

УДК 821.161.1-31

Анна Елисеенко

СТИЛИЗАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б. САДОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ РУБЕЖА ВЕКОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Вступление

На рубеже веков и в первые десятилетия XX века стилизация приобретает особое значение для многих мыслителей. Посредством воссоздания внешних черт той или иной эпохи, культуры, языка, исторических событий многие писатели, поэты, философы стремились переосмыслить прошлое и найти ответы на волнующие их вопросы современности. М. Кузмин писал в «Условностях»: «На пороге XIX века, накануне полной перемены жизни, быта, чувств и общественных отношений во всей Европе пронеслось лихорадочно, влюбленное и судорожное стремление запечатлеть, фиксировать эту улетающую жизнь, мелочи обреченного на исчезновение быта, прелесть и пустяки мирного житья, домашних комедий, мещанских идиллий, почти уже изжитых чувств и мыслей. Словно люди хотели остановить колесо времени. Об этом нам говорят и комедии Гольдони, и театр Гоцци, и писания Ретиф де ла Бретона, и английские романы, картины Лонги и иллюстрации Ходовецкого» (Кузмин, 1923:11). Д. Мережковский, В. Брюсов, В. Иванов, С. Городецкий, М. Кузмин, Ф. Сологуб, Н. Гумилев, Б. Садовской, А. Ремизов и многие другие стремились передать дух предшествующих эпох, запечатлеть особенности культурного и эстетического восприятия Европы посредством стилизации.

Методология и методы исследования

Для изучения стилизации в контексте литературы рубежа веков, рассмотрения причин обращения писателей, поэтов и философов к стилизации были применены сравнительно-исторический и биографический методы.

Результаты и дискуссии

С. Маковский писал в книге «На Парнасе “Серебряного века”»: «Интеллигенция, так или иначе отошедшая от простоватого радикализма “отцов”, выделила просвещенное меньшинство, которое стало мыслить о России по-новому, полюбило имперское ее прошлое – петербургское европейство наше, культурное наследие русского ученичества у Запада, узнанное нами недостаточно или вовсе забытое. Этот новый, отнюдь не реакционный, а прогрессивным чаяниям открытый национализм отталкивался и от византийско-московской “самобытности”, что с прошлого царствования навязывалось нам *ex officio*, и от “освободительного движения” вчерашнего дня» (Маковский, 1962:15-16). Далее критик отмечает: «Все наше искусство XX века тянулось к стилизации, тем самым как бы вновь прививая русскому дичку художественный европеизм. Прививка, сделанная Петром, требовала возобновления, – в этом ведь и состояло эстетство художников “Мира искусства” и “Аполлона”. Наша поэзия в предреволюционные десятилетия быстро развилась в этом же направлении, и проза следовала за ней, но куда менее убедительно, – слишком велико было наследие, полученное ею от наших корифеев-прозаиков XIX века. И все же из наших прозаиков наиболее гениальные – Пушкин и Лермонтов – показали в прозе пример высокого европейского вкуса: то, что сделал с русской прозой Пушкин, объясняется откровенной галломанией. У нас, в “Аполлоне”, М. Кузмин считался самым талантливым из последователей этого прозаического пушкинианства. К нему отчасти примыкали и Валерий Брюсов (“Огненный ангел”) и Гиппиус (в мелких рассказах), и Гумилев, избравший тот же путь, когда начал серьезно заниматься прозой, – ранние его повести еще декадентски-декоративны» (Маковский, 1962: 246).

Как справедливо утверждает Г.Ю. Завгородняя в монографии «Стилизация и стиль в русской классической прозе», ретроспективные устремления были характерны для представителей буквально всех искусств – живописи, театра и, безусловно, литературы (Завгородняя, 2010: 272).

В. Полонский отметил, что еще в 1895–1897 годах Д.С. Мережковский создал ряд «новел XV века», в которых одним из первых среди русских писателей использовал прием сквозной стилизации. Более того, Д.С. Мережковский ввел новаторский тип историософского романа, примером которого служит трилогия «Христос и Антихрист», «Воскресшие боги. (Леонардо да Винчи)», «Антихрист. Петр и Алексей».

С. Городецкий связывал интерес к стилизации с необходимостью дальнейшего развития беллетристики. В четвертом номере «Золотого руна» он поместил статью «Ближайшая задача русской литературы» (1909), где особое внимание уделил историческим стилизациям, для которых свойственно упрощение «общего рисунка» и подчинение «всего отдельным, тщательно отмеченным подробностям» (Городецкий, 1909: 74).

В 1910 году вышла в свет книга Е. Аничкова «Реализм и новые веяния». Автор рассматривает стилизацию как «совершенно новый художественный принцип» (Аничков, 1910: 19), являющийся общей и важной чертой нового искусства. Он выделяет три степени стиля: стиль эпохи, народа, стиль школы и личный стиль. По мнению писателя, суть стилизации не сводится к выдерживанию стиля той или иной эпохи, а представляет собой развитие и создание нового стиля, в котором проявляется личный стиль автора и «чем большая личная свобода энергии таланта, тем более личной будет стилизация» (Аничков, 1910: 30). Е. Аничков также отмечает, что «стилизатор облачает свои создания в фантастический наряд фантастической эпохи, схожей с чем-то действительно бывшим лишь тем, что оттуда слышится какой-то вздох родственный и знакомый» (Аничков, 1910: 33). Критик указывают на корреляцию народных фольклорных произведений и их воссоздание в художественной литературе: «Поэзия много раз обновлялась живыми струями народных песен <...>. Но все это было *воспроизведением* и *подражанием* народной песне, а не стилизации» (Аничков, 1910: 32). Таким образом, стилизация и «подражание», «воспроизведение» как бы противопоставлены, так как при «подражании» автор стремится «изобразить», увлекаясь

подобием, при стилизации же – может «лишь выразить то трудное и сложное, что родилось внутри» (Аничков, 1910: 33).

Подобные взгляды были высказаны и в научных трудах А.А. Потебни, работы которого были актуальны в кругу символистов на рубеже веков. Выдающийся филолог особое значение придавал «народной поэзии», благодаря которой возможно оживление современного языка: «Тогда, например, как образованный человек со всех сторон окружен неразрешенными загадками и за бессвязностью дробностью явлений только предполагает их связь и гармонию, для народной поэзии – эта связь действительно, осязательно существует, для нее нет незаполненных пробелов знания, нет тайн ни этой, ни загробной жизни. <...> Но какой бы отвлеченности и глубины ни достигала наша мысль, она не отделяется от необходимости возвращаться, как бы для освежения, к своей исходной точке, представлению» (Потебня, 1899: 181-184).

Несмотря на столь значительный интерес к стилизации, многие литературоведы видели в ней угрозу, способную исказить суть современной литературы и создать ошибочное восприятие искусства и литературы предшествующих эпох. Так, в 1908 году А. Измайлов в книге «На переломе. Литературные размышления» отмечал: «Литературные магазины модных вещей щеголяют изобретениями последнего часа. Последний крик моды – так называемые стилизованные подделки. Не угодно ли подделок под древний стих Ломоносова и Державина? К вашим услугам Вячеслав Иванов. Может быть, вам понравились старинные апокрифы, читайте “Лимонарь” Ремизова. Хотите вернуться в 18-й век, – зайдите в книжный магазин, и вам дадут книжки, не только внешне выдержанные в стиле повестей, издававшихся за границей во дни Вольтера, но и написанные вязким и канцелярским языком наших официальных реляций 18-го века» (Измайлов, 1908: 5-6). Критик с возмущением отзывался об увлечении стилизацией, которая, по его мнению, лишена народного творчества, «содержательной и красивой народной души» (Измайлов, 1908: 14) и представляет собой лишь механическое воспроизведение старины, «грубую подделку старья» (Измайлов, 1908:14). Из молодых

поэтов, которым удалось приблизиться к «народному роднику», критик выделяет только С. Городецкого. В то время как В. Иванов и другие стилизаторы поставили «своей писательской целью возродить эту уже умершую, угасающую, переставшую пленять всех красоту старины» (Измайлов, 1908: 10).

Обрушиваясь с яростной критикой на сотрудников «Весов», в частности, в связи с публикацией «Огненного ангела» В. Брюсова, А. Измайлов упрекает весовцев в предвзятом отношении к литературным произведениям, обзор которых дается на страницах этого журнала: «Здесь восторгаются с своей точки зрения. Здесь обвиняют автора в бездарности и произведение в ничтожности под *своим* углом понимания. Здесь Борис Зайцев – современный Тургенев (№3), а Чернышевский – “умеренный и аккуратный критик, трудолюбивый, но не слишком проницательный”, суждение проницательного Садовского в №6)» (Измайлов, 1908: 46).

Об увлечении стилизацией писал Н. Гумилев в рецензии на книгу стихов М. Кузмина «Осенние озера», отмечая единое, насыщенное культурой многих стран и эпох мирозерцание автора. С восторгом отзывался Н. Гумилев и о его «Сетях», где ощутима тоска о красоте, усталость от «гордых слов и отвлечений» и где «мир мечты» становится единственной реальностью.

В то время как многие литераторы рубежа веков искали вдохновение в западной и восточной культуре, Б. Садовской стремился примкнуть к истокам исключительно русской литературы и национального быта. Корней Чуковский справедливо указывал на то, что творчество Б. Садовского стоит особняком в литературе, в частности, вследствие нарочитого подчеркивания правых убеждений, желая указать на приверженность старому порядку в эпоху перемен: «Борис Садовской – автор рассказов и очерков из жизни старинных писателей, а также сборника стихов “Самовар”. Само заглавие этой книги воспринималось в ту пору как бунт, так как заглавия поэтических сборников отличались тогда либо высокопарной торжественностью (“Золото в лазури”, “Будем, как солнце”, “Cor ardens”), либо тяготели к абстракциям (“Нечаянная

радость”, “Безбрежность”, “Прозрачность”). Против этой выпяченной поэтики символистских заглавий по-своему протестовали тогда футуристы, дававшие своим книгам такие названия, как “Дохлая луна”, “Засахаре кры” и пр. “Неоклассик” Борис Садовской, ненавидя и тех и других, выступил против них со своим “Самоваром”. Тихий самоварный уют, провинциальная домовитость, патриархальность, семейственность были и в самом деле его идеалом. Любитель старины, он усердно стилизовал себя под человека послепушкинской эпохи, и даже бакенбарды у него были такие, какие носил тогда поэт Бенедиктов. Не было бы ничего удивительного, если бы он нюхал табак из “Табакерки” Михаила Погодина или оказался приятелем Нестора Кукольника или Байрона Брамбеуса. На него надвигались две мировые войны и величайшая в мире революция, а он пытался отгородиться от этого неотвратимого будущего идиллическим своим “Самоваром”, стихами своего боготворимого Фета, бисерными кошельками, старинными оборотами стилизованной речи. Конечно, здесь была и литературная поза, но было и подлинное – сознание своей обреченности» (Чуковский, 1979: 71).

Н. Гумилев в статье «Поэзия в “Весах”» указывает на влияние модернизма, отразившегося в произведениях Б. Садовского. По мнению критика, он «поддерживает воспоминание о традициях пушкинской эпохи, учась у ее второстепенных поэтов. Кажется, его совершенно не коснулось веяние модернизма. Однако сухая четкость ритмов и образов, вкус и благородное стремление к работе над стихом – обличают близость поэта к новому направлению, без которого ему вряд ли бы удалось освободиться от пут реализма, так как по темпераменту он – не завоеватель» (Гумилев, 1990: 111).

Многие современники неоднократно упоминали о Б. Садовском как о мастере стилизованной прозы. Интересен с этой точки зрения отзыв вышеупомянутого А. Измайлова, который в 1914 году писал в «Биржевых ведомостях» о том, что для Б. Садовского особенно характерна влюбленность в старину.

В студенческие годы Б. Садовской прекрасно знал историю, собирал рукописи, исторические анекдоты, выражения, умел передать

дух предшествующей эпохи в стихотворениях и прозе. Именно способность воссоздать эпоху XVIII и первой половины XIX веков привлекла внимание многих литераторов (П. Бартенева, В. Брюсова, В. Ходасевича и др.), которые впоследствии также восхищались мастерством автора в создании стилизаций.

Так, например, П.И. Бартенев, издатель «Русского архива» и знаток старины, отказывался верить, что рассказ «Черты из жизни моей» – вымысел. Б. Садовской вспоминал: «Долго не хотел он верить, что это сочинено:

– Какой подлог: в Англии вам бы за это руки не подали.

Насилу я убедил его. Старик захромал к шифоньерке, достал автограф Пушкина (вариант “Русалки”), отрезал огромными ножницами последние два с половиной стиха и подарил мне:

Вот вам за вашу прекрасную прозу» (Зайцев, 1989: 58).

В. Ходасевич, в свою очередь, считал, что лишь несколько рассказов («Из бумаг князя Г.», «Три встречи с Пушкиным») могут считаться стилизациями, т.е. представляют собою как бы документы, писанные не в нашу эпоху. Все прочее писано от лица нашего современника, и только сюжеты чаще всего взяты Садовским из XVIII и первой половины XIX столетий. Это была его излюбленная пора, изученная любовно и тщательно, описанная все с тою же присущей Садовскому сдержанностью, но всегда – выразительно, четко, прозрачным русским языком» (Ходасевич, 1996: 326).

Несмотря на то, что долгие годы писатель создавал стилизации, проблематикой которых был царский произвол, падение дворянства, тяга крепостничества, в 1922 году Б. Садовской предпринял попытку опубликовать повесть «Амалия», значительно отличающуюся стилистически от всех предшествующих стилизаций писателя. Действие повести проходит в одном из немецких городов, где алхимик Костериус создает магическую желтоватую пыль, превращающую воду в золото. Магический порошок он хочет обменять на «руку принцессы», которая по политическим причинам должна стать женой российского государя. Каждая глава открывается

эпиграфом из басни И.А. Крылова. Повесть напоминает сказку о принцессе и несчастном, влюбленном в нее герцоге.

Б. Садовской неоднократно предпринимал попытку опубликовать это произведение в издательстве «Время», где ранее вышел его сборник стихотворений «Морозные узоры», в журналах «Новая Россия» и «Красная новь». Главный редактор последнего писал Б. Садовскому 7 августа 1927 года: «Что касается повести “Амалия”, то она редакцию не удовлетворила по двум причинам: 1) вследствие наличия фантастического элемента и 2) ввиду того, что главными действующими лицами являются принцесса и герцог. Такие герои не интересуют современного читателя. При всем этом повесть написана мастерски. Отдельные персонажи выписаны прекрасно. Особенно удались Вам русские чиновники. Хорошо сделано противопоставление философской, романтической, феодально-княжеской “зачеркнуто – “кантовской”” Германии и обломовской, сухово-кобылинской, чиновно-помещицкой России. Если Вы найдете возможным переделать повесть (хотя, по-моему, это трудно), то в измененном варианте мы могли бы ее напечатать» (Садовской, 1990: 466). Повесть «Амалия» присоединилась к другим неизданным произведениям автора.

Стилизаторское мастерство Б. Садовского и в современном литературоведении не получило однозначной оценки. И. Корецкая в монографии «Над страницами русской поэзии и прозы начала 20 века» (1995) отзываясь о прозе, опубликованной на страницах «Аполлона» пишет: «Беллетристика “Аполлона” была пестрой <...> Сочная реалистическая бытопись А. Толстого, Пришвина – и печатавшиеся Ауслендером, Садовским и другими безжизненные подделки под старину. Их было более всего; в беллетристике “Аполлона” преобладала ретроспективная стилизация, обильная и в “Весах”. Имитировались то картины немецкого средневековья (И. фон Гюнтер, “Маг”), то сцены “столицы и усадьбы” пушкинского времени (Садовской, “Сын белокаменной Москвы”, “Погибший пловец”); стилизовалась английская авантюрная повесть XVIII в. (Кузмин)» (Корецкая, 1995: 342).

Примечателен тот факт, что для создания стилизованных произведений писатель часто обращался к журналу П. Бартенева «Русский Архив». Так, рассказ «Погибший пловец» основан на воспоминаниях Е. Бибиковой-Раевской, опубликованных на страницах этого журнала. Рассказ посвящен эпизоду из жизни молодого поэта А. Полежаева, который в студенческие годы написал автобиографическую пьесу «Сашка», за которую был вызван к Николаю I и определен на военную службу солдатом. Стилизованный рассказ «Три главы из неизданных записок» основаны частично также на материале, который вышел в свет на страницах «Русского архива». Речь идет о письмах Е. Баратынского к Жуковскому, что были своеобразно осмыслены автором и легли в основу «Записок». Помимо этого, Б. Садовской в большой мере использует исторический материал, часто анекдотический для создания особой атмосферы эпохи в своих стилизациях. Многие произведения передают эпоху Петра I, Екатерины II, Павла I и Николая I. Для более точного определения отношения автора к той или иной эпохе необходимо изучать поэтическое наследие, дневники и статьи автора, которые помогают исследователю приблизиться к пониманию цели и задач писателя в каждом отдельном произведении.

Именно обращение к истории приводит Р.Л. Щербакова к выводу, что произведения Б. Садовского необходимо считать близкими к жанру «исторической прозы», так как «в них всегда добросовестно восстановлена по архивным документам и мемуарам современников фактура эпохи, колорит отшумевшего времени. Записные книжки Садовского заполнены словами и оборотами, характерными для тех персонажей, о которых он намеревался писать. Методом работы писателя была не стилизация, а реконструкция исторического фона. К тому же своей целью он ставил не только любовное воспроизводство “преданий старозаветной старины”, но и правдивое описание русской действительности XVIII века. Таковы его рассказы о царской жестокости (“Стрельчонок”), о крепостническом произволе (“Яблочный царек”), о социальной несправедливости в армии (“Бурбон”))» [с. 10]. Автор также указывает на то, что многие

современные литературоведы считают Б. Садовского «предшественником советской исторической прозы 20-х годов, литературным предтечей таких мастеров этого жанра как Ю.Н. Тынянов, О.Д. Форш, Л.П. Гроссман» (Щербаков, 1993: 10-11).

Ю. Изумрудов в статье «Сергей Клычков и Борис Садовской» (2011) явно оспаривает мнение Р.Л. Щербакова, не ссылаясь, однако, на его труд: «У современных исследователей творчества Садовского можно встретить утверждение, что он является литературным предшественником таких, к примеру, исторических беллетристов, как Ю.Н. Тынянов, Л.П. Гроссман... Думается, в таком сопоставлении есть существенная недооценка таланта Садовского. Если уже исходить из критерия художественности, – а ведь именно это главное! – Садовской как прозаик все-таки интереснее, значительнее и Тынянова, и Гроссмана. Читая последних, чувствуешь в первую очередь почерк филолога, историка и уж только потом художника. У Садовского же все как раз наоборот. Или точнее – все вместе» (Изумрудов, 2011: 254). В качестве примера, автор приводит фрагмент из рассказа «Яблочный царек», в котором читатель может в полной мере восхититься «словесно-образным роскошеством» этого произведения (Изумрудов, 2011: 254).

Выводы

К стилизации на рубеже веков обращались многие мыслители, стремясь заново переоценить культурный, эстетический и исторический опыт предшествующих эпох. В то время как для большинства литераторов объектом изучения и переосмысления становилась культура и наследие Запада, Б. Садовской ставил перед собой задачу подробно отразить в своих произведениях историю становления Российского Государства, указывая на многие сложности и противоречия предшествующих эпох. Тем не менее, в 1922 году он предпринял попытку сочинить повесть, затрагивающую культуру и историю двух стран России и Германии, однако публикация этого произведения не увенчалась успехом. Для создания стилизаций автор неоднократно обращается к историческим материалам,

опубликованным на страницах «Русского Архива», «Русской старины», а также другим изданиям, что были хорошо известны современникам. Б. Садовской стремится переосмыслить и переоценить творческое наследие А. Полежаева, Е. Баратынского и с этой целью помещает своих героев в особый исторический контекст, в котором их черты смогли бы проявиться своеобразно.

Литература

- Аничков, Е. (1910). *Реализм и новые веяния*. Москва: Освобождение.
- Городецкий, С. (1909). Ближайшая задача русской литературы. *Золотое руно*, №4, 66–81.
- Гумилев, Н. (1908). М. Кузмин. «Сети». *Речь*, 22 мая.
- Завгородняя, Г.Ю. (2010). *Стилизация и стиль в русской классической прозе*. Москва: Литера.
- Зайцев, А.Д. (1989). *Петр Иванович Бартенов*. Москва: Московский рабочий.
- Измайлов, А. (1908). *На переломе. Литературные размышления*. Санкт-Петербург.
- Измурдов, Ю. (2011). Сергей Клычков и Борис Садовской. *Наши современники*, №7, 250–260.
- Корецкая, И. (1995). *Над страницами русской поэзии и прозы начала XIX века*. Москва: Радикс.
- Кузмин, М. (1923). Условности. Статьи об искусстве. Пг.: *Полярная звезда*.
- Маковский, С. (1962). *На Парнасе «Серебряного века»*. Мюнхен.
- Потебня, А.А. (1989). *Слово и миф*. Москва: Правда, 1989.
- Садовской, Б. (1990). *Лебединые клики*. Москва: Советский писатель.
- Ходасевич, В. (1996). *Некрополь. Литература и власть. Письма к Б.А. Садовскому*. Москва: СС.
- Чуковский, К. (1979). Чукоккала. *Рукописный альманах Корнея Чуковского*. Москва: Искусство.
- Щербаков, Р.Л. (1993). Б.А. Садовской «Весы» (Воспоминания сотрудника). *Минувшее: Исторический альманах*. Москва; С.-Петербург; Atheneum: Феникс. 7–15.

References

- Anichkov, Ye. (1910). *Realizm i novyye veyaniya* [Realism and new trends]. Moskva: Osvobozhdeniye. [in Russian].
- Gorodetskiy, S. (1909). *Blizhayshaya zadacha russkoy literatury* [The nearest task of Russian literature]. *Zolotoye runo*, №4. 66–81. [in Russian].
- Gumilev, N. M. *Kuzmin «Seti»* [M. Kuzmin “Nets”]. *Rech*, 1908, 22 may. [in Russian].
- Zavgorodnyaya, G.Y. (2010). *Stilizatsiya i stil v russkoy klassicheskoy proze* [Stylization and Style in Russian Classical Prose]. Moskva: Litera. [in Russian].
- Zaytsev, A.D. (1989). *Petr Ivanovich Bartenev* [Peter Ivanovich Bartenev]. Moskva: Moskovskiy rabochiy. [in Russian].
- Izmaylov, A. (1908). *Na perelome. Literaturnyye razmyshleniya* [At the turn. Literary reflections]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- Izumrudov, Y. (2011). *Sergey Klychkov i Boris Sadovskoy* [Sergey Klychkov and Boris Sadovskoy]. *Nash sovremennik*, №7, 250–260. [in Russian].
- Koretskaya, I. (1995). *Nad stranitsami russkoy poezii i prozy nachala XIX veka* [Over the pages of Russian poetry and prose of the early 19th century]. Moskva: Radiks. [in Russian].
- Kuzmin, M. (1923). *Uslovnosti. Stati ob iskusstve* [Conventions. Articles about art]. Pg.: Polyarnaya zvezda. [in Russian].
- Makovskiy, S. (1962). *Na Parnase «Serebryanogo veka»* [On Parnassus of the “Silver Age”]. Myunkhen. [in Russian].
- Potebnya, A.A. (1989). *Slovo i mif* [Word and myth]. Moskva: Pravda. [in Russian].
- Sadovskoy, B. (1990). *Lebedinyye kliki* [Swan clicks]. Moskva: Sovetskiy pisatel. [in Russian].
- Khodasevich, V. (1996). *Nekropol. Literatura i vlast. Pis'ma k B.A. Sadovskomu* [Necropolis. Literature and power. Letters to B.A. Sadovskoy]. Moskva: SS. [in Russian].

- Chukovskiy, K. (1979). *Chukokkala. Rukopisnyy almanakh Korneya Chukovskogo* [Chukokkala. The handwritten almanac of Korney Chukovsky]. Moskva: Iskustvo. [in Russian].
- Shcherbakov, R.L. (1993). *B.A. Sadovskoy «Vesy» (Vospominaniya sotrudnika)*. [B.A. Sadovskoy “Scales” (Memoirs of an employee)]. Minuvsheye: Istoricheskiy almanakh. Moskva; Sankt-Peterburg; Atheneum: Feniks, 7–15. [in Russian].

Анотація

А.П. Єлісеєнко. Стилізація у творах Б. Садовського в контексті літератури межі століть: до постановки проблеми

На початку ХХ століття багато письменників і поетів використовували стилізацію як спосіб переоцінки культурної, естетичної та історичної спадщини попередніх епох. У той час як більшість письменників прагнули вивчати культуру та спадщину Заходу, Б. Садовської прагнув детально відобразити історію Російської імперії, вказуючи на багато труднощів і суперечностей попередніх епох. Тим не менш, у 1922 році він створив повість «Амалія», яка поєднала культурні особливості та історію двох країн: Росії та Німеччини. Незважаючи на всі спроби, публікація цієї роботи була невдалою. Для створення стилізованих творів письменник часто використовував журнал П. Бартенєва «Російський архів». Повість «Мертвий пловець» основана на спогадах Є. Бібікової-Раєвської, опублікованих на сторінках цього журналу. Вона присвячена епізоду з життя молодого поета О. Полежаєв, який у студентські роки написав автобіографічну п'єсу «Сашка», за яку його викликали до Миколи I і призначили на військову службу солдатом. Стилізована повість «Три главы из неопубликованных записок» також частково базується на матеріалі, опублікованому на сторінках «Російського архіву». Б. Садовської прагне переосмислити і переоцінити творчу спадщину О. Полежаєв, Є. Баратинського і для цього ставить своїх героїв в особливий історичний контекст, в якому їх риси можуть проявлятися незвично. Крім того, Б. Садовської використовує як історичний матеріал різні анекдоти, щоб створити особливу атмосферу епохи у своїх стилізаціях. Багато творів

передають епоху Петра I, Катерини II, Павла I та Миколи I. Для точнішого визначення ставлення автора до певної епохи необхідно вивчити поетичну спадщину, щоденники та статті автора, які допомагають досліднику наблизитись до розуміння цілей і завдань письменника в кожному творі.

Ключові слова: стилізація, Садовської, історичний жанр, стиль.

Аннотація

А.П. Елисеенко. Стилизация в произведениях Б. Садовского в контексте литературы рубежа веков: к постановке проблемы

В начале XX века многие писатели и поэты использовали стилизацию как способ переоценки культурного, эстетического и исторического наследия предыдущих эпох. В то время как большинство писателей стремились изучать культуру и наследие Запада, Б. Садовской стремился подробно отразить историю Российской империи, указывая на многие трудности и противоречия предыдущих эпох. Тем не менее, в 1922 году он создал повесть «Амалия», которая соединила культурные особенности и историю двух стран: России и Германии. Несмотря на все попытки, публикация этой работы была неудачной. Для создания стилизованных произведений писатель часто использовал журнал П. Бартенева «Русский архив». Повесть «Мертвый пловец» основана на воспоминаниях Е. Бибиковой-Раевской, опубликованных на страницах этого журнала. Она посвящена эпизоду из жизни молодого поэта А. Полежаева, который в студенческие годы написал автобиографическую пьесу «Сашка», за которую его вызвали к Николаю I и назначили на военную службу солдатом. Стилизованная повесть «Три главы из неопубликованных записок» также частично основана на материале, опубликованном на страницах «Русского архива». Б. Садовской стремится переосмыслить и переоценить творческое наследие А. Полежаева, Е. Баратынского и для этого ставит своих героев в особый исторический контекст, в котором их черты могут проявляться своеобразно. Кроме того, Б. Садовской использует как исторический материал различные анекдоты, чтобы создать особую атмосферу эпохи в своих стилизациях. Многие произведения передают эпоху Петра I, Екатерины II, Павла I и Николая I. Для более точного определения отношения автора к определенной эпохе

необходимо изучить поэтическое наследие, дневники и статьи автора, которые помогут исследователю приблизиться к пониманию целей и задач писателя в каждом произведении.

Ключевые слова: стилизация, Садовской, исторический жанр, стиль.

Abstract

A.P. Ieliseienko. Stylization in B. Sadovsky's Works in the Context of the Literature of the Turn of the Century: to a Statement of the Problem

At the beginning of the twentieth century many writers and poets used stylization as a way to reevaluate the cultural, aesthetic and historical heritage of the previous eras. While most writers tended to study the culture and heritage of the West, B. Sadovskoy aimed to reflect in detail the history of the Russian Empire pointing to many difficulties and contradictions of the previous eras. Nevertheless, in 1922 he created the story "Amalia" that combined cultural features and history of the two countries: Russia and Germany. Regardless all attempts, the publication of that work was unsuccessful. To create stylized works the writer often used P. Bartenev's magazine "Russian Archive". The story "The Dead Swimmer" is based on the memoirs of E. Bibikova-Raevskaya published on the pages of this magazine. The story is dedicated to an episode from the life of the young poet A. Polezhaev, who in his student years wrote an autobiographical play "Sashka", for which he was summoned to Nicholas I and assigned to military service as a soldier. The stylized story "Three chapters from unpublished notes" is also partly based on material that was published on the pages of the "Russian Archive". B. Sadovskoy seeks to rethink and reevaluate the creative heritage of A. Polezhaev, E. Baratynsky and for this purpose places his heroes in a special historical context in which their features could manifest themselves in an unusual way. In addition, B. Sadovskoy uses different anecdotes as a historical material to create a special atmosphere of the era in his stylizations. Many works convey the epoch of Peter I, Catherine II, Paul I and Nicolai I. For a more accurate definition of the author's attitude to

a particular era it is necessary to study the poetic heritage, diaries and articles of the author, which help the researcher to get closer to understanding of the goals and objectives of the writer in each work.

Keywords: stylization, Sadovskoy, historical genre, style.

Рукопис статті отримано 30 листопада 2020

Рукопис затверджено до публікації 15 грудня 2020

Інформація про автора

Єлісеєнко Анна Павлівна – кандидат філологічних наук, старший викладач, завідувач кафедри іноземних мов Харківської державної зооветеринарної академії; пр. Енергетиків, 6, м. Дергачі, Харківська обл., 62300, Україна; e-mail: anna_ieliseienko@ukr.net; <http://orcid.org/0000-0001-9165-7304>